

Страшный Кабанъ. *)

Давнымъ-давно жилъ въ одномъ селѣ человѣкъ, по имени Иванъ. Умерла у Ивана молодая жена и оставила ему двухъ сыновъ-малолѣтокъ и новорожденную дочку.

Сталъ Иванъ одинъ жить, одинъ дѣтей растить и вырастить молодцовъ-сыновей Петра и Степана да дочку-красавицу Олесю, себѣ и добрымъ людямъ на радость, а худымъ на зависть.

Какъ подросли сыновья, сталъ старшій охотникомъ,—далъ ему отецъ ружье, да не простое, а заговоренное: не знало то ружье никогда промаху.

А младшій сталъ по степи ходить, отцовскихъ овецъ пасти,—и далъ ему отецъ рожокъ пастушій, тоже не простой: только подумай, заигравши на немъ, кого позвать хочешь—звѣрь-ли, птица-ли,—какъ ручной придетъ.

Пришла весна красная, прилетѣли гуси-лебеди съ теплой стороны, поднялся изъ берлоги голодный медвѣдь—сталъ людей обижать ихъ скотину драть—не идетъ Петро на охоту съ сво-

*) Тема, общая сказаніямъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ (чуждое раскрытіе тайнаго братоубійства или сестроубійства, совершеннаго изъ зависти), въ обработкѣ по вариантамъ южн. славянъ: малоросс. и др.

имъ вѣрнымъ ружьемъ; потянулись въ степь овечьи отары—не гонить свою за другими Степанъ.

Дивится старый Иванъ: день братьевъ дома нѣтъ, —гдѣ они, никому невѣдомо,—а вечеромъ придуть домой сумрачные, исполбоя другъ на друга смотреть, слова одинъ другому не вымолвятъ.

А дѣло вотъ какое было. Жила на краю бора вдова старуха съ дочерью Татьяной,—зачаровала дѣвица обоихъ братьевъ своими карими очами да черными бровями. Не отходятъ Петро и Степанъ цѣлый день отъ старухиной хаты: и дрова старухѣ рубять и воду носить,—только, чтобы хоть взглянуть на Татьяну, хоть слово отъ нея услышать. А Татьяна—нынче будто съ Петромъ ласкова, а на Степана и глядѣть не хочетъ, завтра—отъ старшаго отворачивается, къ младшему ласкается. И ходятъ братья сумрачные, одинъ другого выслѣживаютъ, волками другъ на друга смотреть.

Вдругъ появился въ той сторонѣ, невѣдомо откуда, страшный дикій кабанъ-одинецъ, величины и злобы неслыханной. Рыщетъ кабанъ ночью и днемъ, поля вытаптываетъ, въ садахъ дерева съ корнемъ вырываетъ, набѣжить на стадо—и скоть и пастуховъ клыками на смерть поретъ.

Прослышала про этого кабана Татьяна, и говорить братьямъ: «Ступайте-ка вы въ дремучій боръ, и кто изъ васъ принесетъ мнѣ страшнаго кабана, живого или мертваго, тотъ и сватовъ ко мнѣ присылай.»

Отъ зари до зари искалъ Петро страшнаго кабана: всѣ тропы выслѣдилъ, всѣ кручи, овраги повиходилъ, всю чащу вытопталъ—нѣтъ кабана, точно его вовсе и не было. Идетъ Петро вечеромъ назадъ сумрачный, вдругъ слышитъ—братнинъ рожокъ невдалекѣ играетъ. Выглянулъ Петро изъ чащи, глядь—идетъ братъ Степанъ по тропинкѣ межъ камышами, на рожкѣ весело поигрываетъ, а рядомъ съ нимъ бѣжитъ страшный кабанъ, похрюкиваетъ и башкой о братнино плечо ласково трется.

Весь затрясся Петро отъ злобы, схватилъ ружье, приложился и — выстрѣлилъ. Упалъ Степанъ, какъ подкошенный; изъ виска, братниной пулей пробитаго, потекла на землю горячая,

А дудка сама поетъ, слова выговариваетъ.

алая кровь. А кабанъ, какъ стрѣла, метнулся въ камышъ, — больше объ немъ никогда и не слышали.

Взявъ Петро́ брата-нино тѣло, закопалъ его у тропинки въ камышахъ, а самъ пошелъ домой. «Гдѣ Степанъ?» — спрашиваетъ его отецъ. — «Не знаю, я ему не сторожъ; можетъ быть его въ лѣсу дикіе звѣри разорвали.»

Шелъ, на другую весну, пастушокъ боромъ — искалъ себѣ камышину для дудки. Видитъ, около тропинки въ болотѣ бугорокъ, а на немъ высокая прямая камышина выросла; срѣзалъ онъ камышину и сдѣлалъ изъ нея себѣ дудку.

Вечеромъ гонитъ онъ домой череду *), и заигралъ у околицы на своей новой дудочкѣ. А дудочка сама поетъ, слова выговариваетъ:

*) Стадо.

«Ой, тише-тише, пастушокъ, играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Меня братъ убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

Старый Иванъ съ дочкою въ то время на крыльцѣ сидѣлъ; какъ услыхалъ старикъ, что чудесная дудочка выговариваетъ, помертвѣлъ весь, и говоритъ пастуху: «Отдай, овчарикъ, *) мнѣ твою дудочку.» Отдалъ ему овчаръ дудочку и, только что приложилъ ее отецъ къ губамъ, она сама заиграла:

«Ой, тише, тише, батюшка, играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Меня братъ убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

«Гдѣ ты камышину срѣзалъ?»—спрашиваетъ Иванъ пастуха. Разсказалъ ему пастухъ мѣсто по примѣтамъ, пошелъ старикъ въ дуброву къ камышамъ, выкопалъ изъ подъ бугорка кости сыновнія и принесъ ихъ домой.

А Петро ужъ вернулся, съ охоты, сидитъ, какъ всегда, въ углу сумрачный. «Сыграй-ка мнѣ на этой дудочкѣ» — говоритъ ему отецъ. Лишь приложилъ Петро дудку къ губамъ, она сама заиграла:

«Ой, тише-тише, братецъ мой играй,
Покой моимъ косточкамъ ты въ могилѣ дай!
Ты-жъ меня убилъ, въ камышахъ зарылъ—
Въ камышахъ при дубровѣ—
За тѣ дѣвичьи очи, за черныя брови!»

Вскочилъ Петро съ лавки, выронилъ дудку и, бросился вонъ изъ дому, какъ сумасшедшій.

Говорятъ, и теперь еще бродить онъ по дремучимъ лѣсамъ,—ни смерти, ни покоя себѣ не находитъ.

*) Овечій пастушокъ.